

Путешествие из Петербурга в Москву

Кудрявцева — 1999 —
30 Дек. — С. 9

Гастроли Александринского театра

Они проходили на сцене Малого театра — аншлаги сопровождал каждый спектакль. Заметим, что и в родном зале Александринки свободных мест, как правило, тоже не наблюдается.

Творческую энергию Санкт-Петербургский театр драмы имени А.С. Пушкина набрал в последние годы. В не столь отдаленном историческом прошлом на его сцене толпились "настоящие" советские люди и "душевные" партийные функционеры, которые не слишком споспешествовали успеху у публики и особенно у критики. Упорно, сезон за сезоном пробирав этот когда-то императорский, потом партийный театр свою дорогу к зрителю, формировал собственную эстетику, оттачивал художественное мастерство, искал репертуар. Усилия не прошли даром. Старейший театр страны, родившийся в XVIII веке, сегодня занял достойное место в общей художественной жизни.

Здесь дорожат своей репутацией и предпочитают включать в репертуар по преимуществу произведения высокого класса, не рассчитанные на легкомысленное восприятие. Шекспир, Пушкин, Грибоедов, Островский, Гоголь, Чехов, Шоу, Гольдони, Гофман, Набоков... А уж если современная драматургия, то ничуть не проще и не легче, чем "Сказание о царе Петре и убиенном сыне его Алексее" Ф. Горенштейна.

В чем же причина сегодняшней популярности Александринки, которую лишний раз подтверждали московские гастроли? По первому и совсем не обманному впечатлению — великолепный актерский ансамбль. Труппа просто изобилует талантливыми исполнителями. При этом никакого премьерства. Старшее поколение, среднее, молодое — все присутствуют на сцене, занимая на ней достойное место.

В постановке "Сказания о царе Петре и убиенном сыне его Алексее" на подмостках в полном смысле слова царят три исполнителя. Могучей и страшной силой наделяет Петр В. Смирнов. Монументальная внешность, низкие раскаты голоса, тяжелый, ввинчивающийся в землю шаг. Само его появление бросает в дрожь — столько в нем державного; властного, сокрушительного всевластия, государственной самоуверенности. Такой, не заметив, любого сметет, как пылинку. Он строит государство, что ему жизнь отдельного человека! Но спотыкается о собственного сына. Царь Петр и тогда не остановил своего движения вперед и выше. Он убил Алексея... Но, Бог ты мой, как чудовищно изменился весь внутренний мир этого властелина! Смирнов не смягчает краски, которыми рисует своего героя, не впадает в сентиментальность, но каким-то почти невыносимым образом нам было разрешено понять — трагически черны стали душа, мысли, сами дела Петра. Вместе с сыном убил он не только себя, но и, на долгие века, собственное государ-

ство. И, может быть, до сих пор отмываемся мы и не можем отмыться от давних кровавых деяний наших предков. А ведь все — во имя...

Приковывает к себе внимание этот Петр В. Смирнов, но не оторвать глаз и от Алексея С. Барковского. Какая вроде бы жалкая личность! Сосульками висят реденческие волосы, слаб голосок, расслабанны движения рук и ног. Да и мысли, желания его все какие-то мелкие, ординарные — поест сладко, погулять ярко, ну еще Ефросинью любить крепко. А крутое его лицо симпатично, а глаза живые, переменчивые, а тело молодое, крепкое, легкое... Не государственный, конечно, всего-навсего нормальный человек, имеющий право на собственную судьбу. И отчаянно боится Алексей за возможность жить на этой земле так, как он сам хочет. Беспомощность, трусость, страх, любовь, нежность, страдание — так много всего раскрывает Барковский в своем герое, что, замирая, смотрит зал на этого на редкость живого, но униженного и невесты во имя чего уничтоженного человека.

А рядом — невымыслимой изысканности австрийский граф Шенборн А. Баргман. Роскошен костюм, капризно-тягуча речь, нарочито фиксирована красота поз, походки, чувств. Он — из другого мира, мира, где можно дразнить лениво существовать, красоваться и баловаться себя, как душе угодно. Подражены губы, подведены глаза, пригнуты щеки... Все кокетливо и утонченно, но затаянный юмор пронизывает образ, созданный Баргманом. Он, конечно, смеется над своим голубым героем. Но, опять же — сила исполнительства: мы понимаем и то, что иметь право быть самим собой — великое счастье и великий гуманизм бытия.

Вообще об актерах Александринки можно рассказывать бесконечно. Тот же А. Баргман с удивительно нежным тактом играет Тузенбаха в "Трех сестрах" А.П. Чехова. А рядом с ним очаровательно трагическая Маша Н. Панина, обаятельный непротивленец Андрей С. Паршин, изысканно печальная Ирина В. Сушко, интеллигентнейший Вершинин И. Волкова, мудрый добряк Кулыгин В. Лисецкого... Можно перечислять и дальше, настолько актерский ансамбль "Трех сестер" сложен, приправлен. В этом спектакле исполнители поданы разом, они все видны, все на месте, все интересно.

То же самое можно сказать и о постановке "Свои люди — сочтемся!" А.Н. Островского, которая идет уже очень давно, но не потеряла своей притягательности. Актеры буквально купаются в ней: В. Смирнов (Самсон), К. Петрова (Аграфена), С. Паршин (Лазарь), Н. Мартон (Сысый), Е. Липец (Олимпиада), В. Вельяминова (Фоминишна) — хотите посмеяться, хотите насладиться сценической игрой — смело идите на этот спектакль.

А какие замысловатые исполнительские кружева плетутся в "Хозяйке гостиницы" К. Гольдони! И как тонко в эту прелестную игру начинает проникать нечто завораживающее неожиданное — искреннее чувство, которое охватывает Рипафратту (Н. Буров) и Мирандолину (Н. Панина). Это прописывается лишь легким штрихом, без нажима, но грустная лирическая нота исподволь меняет всю тональность этого спектакля, придавая ему свежесть, странную достоверность и драматизм.

И еще, если продолжить актерскую тему, обязательно надо сказать об Элизе Ю. Соколовой в "Тигмаллионе Б. Шоу. Можно посчитать, что прославленному образу в этом прочтении не хватает простодушия и искренней влюбленности. Зато талантливостью свою героиню актриса наделила вполне. Кажется, что Элиза все время хитро поглядывает на окружающих, умно мистифицирует их. Она от природы одарена, прозорлива, лукава. Она все может — танцевать, смеяться, быть цветочницей и герцогиней.

Думаю, что редкая стабильная труппа может похвастаться сегодня подобным актерским созвездием.

Однако уникальность петербургского пушкинского, на мой взгляд, в ином. Этот государственный академический репертуарный театр уже который год, и притом успешно, работает без главного режиссера. Время от времени, правда, вопрос о нем возникает, но, честно говоря, для проформы: практика показы-

вает, что здесь прекрасно обходятся и без него. В театре уже есть хозяин, который крепко держит в своих руках бразды правления. Это директор Г. Сащенко. По сути — он антрепренер в самом истинном и высоком смысле этого слова. И еще бы я назвал его коллекционером — репертуара, актеров, режиссеров. Афиша театра годами не скудеет, но лишь пополняется. Спектакли сохраняются долго, отношение к ним бережное, блеск премьеры с течением времени почти не тускнеет. Возрастной исполнительский ценз категорически отменен, как говорится, работают все. Поддерживается любая инициатива, лишь бы она была. Те же гастроли продемонстрировали как раз и эту внутреннюю творческую энергию труппы: помимо основных спектаклей, показанных в Малом театре, можно было увидеть и работы так называемых Малых сцен, инициаторами которых часто выступали сами актеры. В Александринке такие спектакли идут повсюду — и в фойе, и в репетиционном зале, а то и где-то совсем под самой крышей.

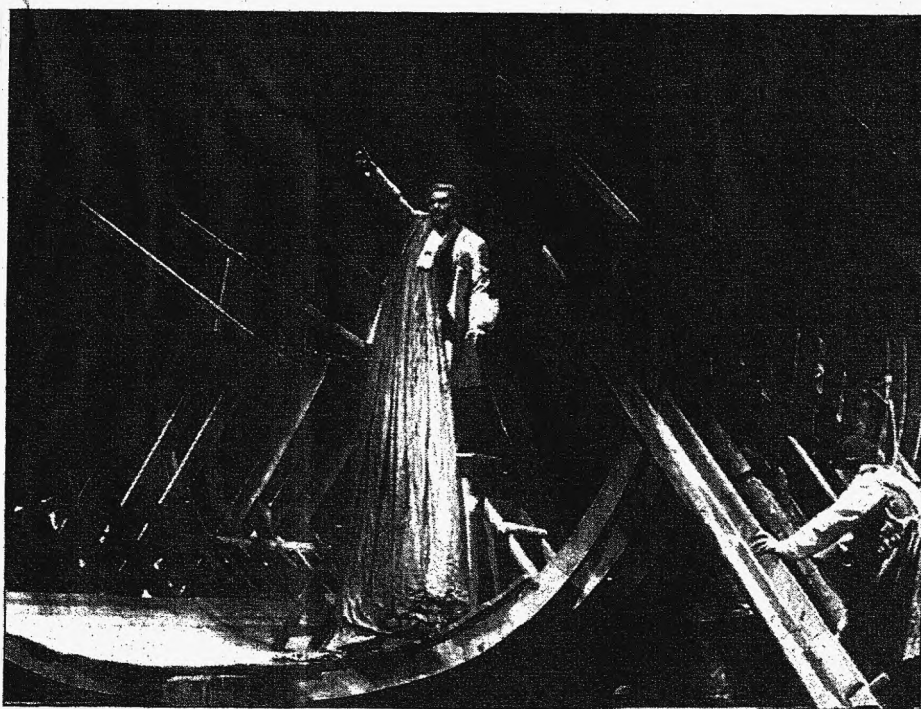
И это все надо кому-то ставить! Вот здесь Сащенко проявляет себя истинным храбрецом. Вынесем за скобки его бесконечные переговоры то с одним постановщиком, то с другим. Выделим главное — он может пригласить любого, в ком учуял искру божью. Молодой авангардист и мастер психологической достоверности мирно уживаются на этой сцене.

"Горе от ума" в постановке А. Праудина по техническим причи-

нам не смогли привезти в Москву. Жаль. Эта постановка расколола бы москвичей на два яростно спорящих лагеря, настолько она неожиданна, самобытна, резка. Не было возможности показать в Малом театре и "P.S." Гофмана — Моцарта, блистательную режиссерскую работу Г. Козлова. Также жаль, конечно, но ведь и того режиссерского многоцветья, которое увидела Москва, более чем достаточно, чтобы понять — в театре на одной сцене могут сосуществовать самые разные постановки: тончайший психологизм Р. Горяева в "Трех сестрах" и модернистская буффонада В. Воробьева в "Колпаке с бубенчиками" Л. Пираделло. Купеческая, замоскворецкая удаль правит бал в спектакле В. Голуба "Свои люди — сочтемся!" А.Н. Островского и пасторальной томности преисполнена работа В. Воробьева в "Хозяйке гостиницы". Отшлифована, отточена, выверена соизмеримо уму и чувству постановка А. Галибина "Сказание о царе Петре...", а рядом с ней радость зрителю доставляет опереточная пышность "Тигмаллиона", осуществленного А. Белинским.

И вот чудеса! Вопреки расхожему мнению о пользе и даже необходимости единомыслия в труппе, Александринка не только не проигрывает, а последнее время находится в постоянном выигрыше. Может быть, потому, что самое замечательное в творчестве, самое таинственное и волшебное — это непредсказуемость.

Ирина ВАСИЛИНИНА

Сцена из спектакля "Сказание о царе Петре и убиенном сыне его Алексее"

ФОТО В. БАЖЕНОВА